

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

В условиях, когда численность молодежи в мире достигает рекордной величины, перед нами предстает брошенное на произвол судьбы поколение. Для многих людей, вступающих в пору зрелости, мечта обрести профессию, специальность и найти стабильную работу, остается недостижимой. Сегодняшняя молодежь вовсе не сбилась с пути. Она делала все по правилам, придерживаясь формулы, которая должна была обеспечить экономическую независимость и счастливую жизнь. Молодые люди пошли учиться, чтобы стать производительными членами общества, но рабочих мест оказалось недостаточно, или квалификация, которую они приобрели, не соответствовала имеющимся рабочим местам. Некоторые в поисках лучшей жизни готовы уехать в большие города или за границу. Но мечта остается недостижимой.

Повсюду, от площади Тахрир в Каире до Пуэрта-дель-Соль в Мадриде, молодежь протестует против отсутствия экономических возможностей. Очевидно, система дала трещину, но никто не знает, как ее исправить. Вот истории шести молодых людей, рассказанные ими самими.

Ахмад Хасан в Каире, Египет.

Революционер в Египте

АХМАД Хасан в душе — революционер. Но 25-летний египтянин не мог себе даже вообразить, что его страна в один день поднимется, совершив революцию, как это произошло 25 января 2011 года. Он и мечтать не мог о том, что станет одним из главных людей, отвечавших за обеспечение безопасности на площади Тахрир на протяжении первых дней революции. Такой поворот событий восстановил его уверенность в себе.

«Несомненно, до революции я был другим человеком. После революции я могу критиковать любое должностное лицо и требовать любого рода изменений, которые мне не нравятся в стране. Я всегда буду черпать свою силу, выступая за освобождение, и я буду по-прежнему ходить на площадь до тех пор, пока не сбудутся чаяния народа», — говорит Хасан.

Хасан — средний ребенок в семье. Его старшая сестра замужем, что облегчает экономическое бремя семьи, а младший брат скоро закончит бизнес-школу в Каире. Отец умер, когда Хасану было всего шесть лет, и мать осталась единственным кормильцем в семье. В квартале Шубра Аль-Хеймах, одном из старейших и беднейших в Каире, она арендует маленький магазин, торгующий овощами.

Он начал работать еще ребенком, через год после смерти отца. Каждый день мать посылала его на рынок продавать корзину лимонов. Он отдавал ей большую часть выручки и оставлял себе небольшую часть, которую использовал для покупки школьных принадлежностей и одежды.

«В своей жизни я ничего не мог выбирать. Я всегда был пленником обстоятельств и судьбы», — размышляет Хасан.

По окончании школы с хорошими оценками его приняли в педагогический колледж. Однако он был не в состоянии оплачивать свое обучение и поэтому поступил на двухлетний курс журналистики в двухгодичном колледже.

В условиях, когда безработица среди молодежи превышает 25 процентов, миллионы молодых египтян испытывают острую неудовлетворенность жизнью. Согласно Обследованию египетской молодежи, проведенному Советом по народонаселению в 2009 году, 30 процентов юношей в возрасте от 15 до 29 лет заявили, что они хотели бы эмигрировать в основном в какое-либо богатое нефтью государство Персидского залива, поскольку у них нет надежды найти работу дома. Если бы не события 25 января, Хасан, скорее всего, выбрал бы этот путь.

Проблема безработицы среди молодежи отчасти связана с существенным несоответствием между квалификацией, которой обладают молодые люди, и тем, что ищут компании. Работодатели часто указывают на отсутствие достаточной квалификации среди претендентов на рабочие места в качестве сдерживающего фактора для найма сотрудников. Уровни безработицы в действительности оказываются наиболее высокими среди самых образованных, что свидетельствует о том, что системы образования не готовят выпускников с требуемой рыночной квалификацией.

«Я был в отчаянии. За несколько дней до революции меня уволили, потому что я поспорил со своим менеджером, который ратовал за то, чтобы Гамаль Мубарак сменил своего отца на посту президента», — говорит Хасан, который в то время работал торговым агентом в компании мобильной связи.

«Я был без работы 24 дня. Думал о выезде за рубеж, пока я не услышал о том, что молодежь собиралась провести демонстрации 25 января, — вспоминает он. — Я пошел проверить площади и улицы 24 января, хотел найти возможность выплеснуть свой гнев. На следующий день я был на площади в семь утра и оставался там до тех пор, пока президент не ушел в отставку».

Сейчас Хасан работает неполное время видеооператором в компании по производству документальных телефильмов. Он мечтает о том, чтобы найти в этой сфере постоянную работу и чтобы полиция относилась к нему с уважением и достоинством. «Наиболее важными причинами революции были утраченное достоинство, бедность, коррупция, подстроенные выборы и распространение nepotизма и кумовства», — говорит Хасан.

А пока что он будет продолжать добиваться перемен, каждый день понемногу. ■

Репортаж: Хишам Аллам; фото: Мэгги Осам

Стремление к цели в Боснии

ИРМА Борачич поставила перед собой смелую цель в области профессионального роста, горя стремлением стать судьей в высшем уголовном суде Боснии и Герцеговины. Но спустя два года после окончания юридического факультета Университета Сараево 24-летняя девушка все еще ищет работу и старается получить дополнительное обучение, пока отказы на ее заявления о приеме на работу продолжают накапливаться.

Многие европейские страны страдают от высоких уровней безработицы, но проблема Боснии является хронической: согласно Агентству по статистике Боснии, 75 процентов всех безработных не имеют работы более двух лет, а 50 процентов — более пяти лет.

«За последние два года я подала больше 300 заявлений о приеме на работу, — говорит Борачич. — Меня много раз включали в список кандидатов, прошедших предварительный отбор, но почему-то никогда не предлагали работу». Уровень безработицы в Боснии также является одним из самых высоких в Европе. Сильнее всего страдают лица моложе 25 лет: среди этой возрастной группы лишены работы почти 50 процентов.

Ирма Борачич в Сараево, Босния.

Борачич родилась в столице Боснии Сараево, где она закончила начальную и среднюю школу и получила высшее образование. Она не замужем и живет в квартире, принадлежащей ее семье, вместе с матерью и сестрой, которые помогают ей материально, пока она готовится к сдаче окончательного экзамена для работы в суде.

«Со времени поступления на юридический факультет я мечтаю стать судьей по уголовным делам. Я считаю, что у меня есть достаточная квалификация для работы с самыми серьезными уголовными делами», — с пылом заявляет Борачич.

Хотя Борачич и ставит перед собой такие высокие цели, она утверждает, что для начала своей карьеры ее бы устроила любая работа в юридической области, будь то в частном или государственном секторе. Она завершила двухлетнюю неоплачиваемую стажировку в суде Сараево, работая сначала как волонтер, а позднее получая лишь пособие на питание и транспортные расходы. После окончания стажировки она так и не смогла найти работу, несмотря на активные поиски.

По мнению Борачич, система образования плохо обеспечивает соответствие квалификации, приобретаемой студентами, и квалификации, требуемой рынком труда. Она считает, что имеется слишком много юристов и экономистов, которых рынок труда не может трудоустроить. Исследование МВФ поддерживает ее мнение: значительный разрыв в квалификации является одним из основных ограничений в развитии рынка труда в стране. Примерно две трети учащихся средних школ записаны в технические или профессиональные училища с узкоспециализированными или иногда устаревшими программами. Учащиеся покидают систему, не приобретая важных навыков в общении, решении задач и работы в коллективе, на которые имеется большой спрос на рынке труда.

Будучи частью бывшей Югославии, Босния и Герцеговина пережили травматические события в 1990-х годах. Война 1992–1995 годов привела к бесконечным страданиям людей, разрушению инфраструктуры и падению ВВП почти на 80 процентов. Дейтонское мирное соглашение 1995 года, положившее

конец войне, привело к созданию сложной политической системы, которую продолжают усложнять политические меры, вызванные этническими мотивами. «В нашей стране очень сложная ситуация, слишком сложная, — говорит Борачич. — Для таких молодых людей, как я, которые имеют далеко идущие планы и вложили немало средств в свое образование, шансы на успех на рынке труда незначительны. Очень тяжело найти работу в стране, где экономика недостаточно сильна, а государственные институты являются слабыми».

Борачич также говорит о коррупции, которая сказывается на различных аспектах жизни в ее стране, в том числе занятости. «В настоящее время большинство людей получает работу благодаря семейным и политическим связям, а не деловым качествам. Во многих случаях молодым людям предлагается дать взятку, чтобы их приняли на работу», — говорит она.

Борачич надеется сдать экзамен для работы в суде в марте и продолжит свои поиски работы в надежде, что ее усилия в конечном счете дадут результаты. ■

Репортаж: Дарья Сито-Сучич; фото: Дадо Рувич

Отсроченные мечты в Перу

В трущобах на окраине Лимы, на лишенном растительности склоне мужчины и женщины ждут, пока из ярко-голубой автоцистерны не будут заполнены пластиковые бочки водой, которые они должны затащить наверх по длинным лестницам под палящим солнцем.

Десятилетний бум, во время которого экономика Перу с 2000 по 2010 год росла в среднем на 5,5 процента в год, существенно сократил бедность, но, по-видимому, не добрался до Флор де Аманкаэс, района, в котором приютились ярко окрашенные, но шаткие деревянные домики, опасно расположившиеся на каменистом склоне.

«Кому-то, я думаю, стало лучше, но я этого здесь не ощущаю», — говорит девятнадцатилетний Адильмер Гарсиа, глядя на жилища на холме с одной или двумя комнатами.

Адильмер Гарсиа в Лиме, Перу

Несмотря на недавнее улучшение ситуации, неравенство доходов в Перу упорно остается на высоком уровне.

Гарсиа было всего 15 лет, когда он поменял жизнь на крошечной ферме своей семьи в горах региона Пиура, на севере Перу, но то, что он считал более перспективным будущим в Лиме, разрастающейся столице Перу. Четырьмя годами позже его домом является крошечный сборный дом на самом краю города, за пределами электросети и муниципального водоснабжения.

«Я приехал сюда, чтобы работать и учиться, — говорит он. — Считал, что здесь больше шансов для получения работы, но особенно для получения образования». Жизнь в городе не сложилась так, как надеялся Гарсиа. Когда он приехал, он поселился у брата и через два месяца устроился на свою первую работу. Но работа в течение полного рабочего дня шесть дней в неделю не оставляла Гарсиа времени для занятий, и он до сих пор не смог возобновить учебу в школе.

Позднее он работал в стеклорезной мастерской в районе, населенном представителями среднего класса, зарабатывая примерно 75 долларов за 60-часовую неделю, без страховки или каких-либо дополнительных льгот, тратя один час на дорогу. Но эта работа закончилась в конце 2011 года, и он снова находится в поисках работы.

На этот раз он хочет найти работу, которая позволяет заниматься в первой или второй половине дня, но он сомневается относительно перспектив. «Работа есть, но такую работу, которая позволяла бы также учиться, найти труднее», — говорит он.

Он не уверен, какую профессию или работу он выберет. «Хочу окончить среднюю школу, — заявляет он, — потом посмотреть, что мне больше всего нравится». Несмотря на свои отсроченные устремления, Гарсиа не жалеет о переезде в город.

«Здесь хорошо тем, что когда работаешь, зарабатываешь деньги, — говорит он. — На ферме работаешь, но денег нет». Гарсиа не одинок. В последние два десятилетия около 130 000 человек ежегодно переезжало в Лиму, в которой сейчас проживает 7,6 млн человек.

Первоначально построенный на прибрежной равнине Перу, город разрастается на восток, занимая каменистые холмы Анд, и каждая новая волна поселенцев забирается все выше на крутые, засушливые склоны, занимая землю, раньше считавшуюся бесполезной. Их жизнь постепенно улучшается, но значительно меньшими темпами, чем растущая кривая ВВП страны.

На опасном склоне «четыре года назад не было лестниц, — рассказывает Гарсиа про *Флор де Аманкаэс*. — Не было дороги. Была лишь узкая тропа, и машины не могли сюда заехать. Дома были меньше — сейчас их перестроили. За те годы, пока я находился здесь, произошел прогресс. Надеюсь, он продолжится». Но его мечта все еще остается вне его досягаемости.

«Когда-нибудь в будущем, если нам подведут электричество и воду, здесь будет хорошо жить, — говорит он. — Я хотел бы иметь свой дом, но это в будущем. А сейчас я хотел бы работать и учиться». ■

Репортаж: Барбара Фрейзер; фото: Оскар Медрано Перес

Призыв к действиям в США

КОГДА крах американского инвестиционного банка Lehman Brothers в сентябре 2008 года привел к глобальным экономическим потрясениям, Алекса Клэй не испытывала чувства отчаяния, которое было у многих. Для Клэй, которая только что сдала свою работу на диплом магистра по экономической истории в Оксфордском университете, это было призывом к действию.

«Я не считаю себя участником протестов, — говорит Клэй, хотя она участвует в движении «Захвати Уолл-стрит», которое дает возможность молодежи и другим высказаться против

Алекса Клэй в Вашингтоне, округ Колумбия, США.

экономической и социальной несправедливости в условиях глобальной экономики. — Речь идет не об ответной реакции, а фактически о переосмыслении того, что представляет собой сегодняшний капитализм. Моя миссия заключается в том, чтобы дать людям возможность почувствовать, что они могут изменить экономику, а не быть ею парализованы».

Клэй говорит, что определяющей характеристикой молодежи сегодня является предприимчивость, а также чувство идентичности, получаемое от своего предназначения.

«Вы узнаете себя по переменам, которые вы стараетесь вызвать. Полагаю, это справедливо для многих представителей моего поколения».

Она не считает себя жертвой мирового экономического кризиса. Клэй, которой сейчас 27 лет, работала на протяжении своей учебы в аспирантуре. Она живет в Вашингтоне, округ Колумбия, и в период со времени краха Lehman Brothers имела постоянную работу — в этот период уровень безработицы в США вырос с 6,5 до пиковых 10 процентов в октябре 2009 года, а затем медленно снизился до примерно 8,5 процента в начале 2012 года.

Она называет себя кочевницей, работая сейчас на некоммерческую организацию, базирующуюся в Вашингтоне. Цель организации — социальные изменения через предпринимательство. Она недавно ездила в Кению и Руанду для исследования безработицы среди молодежи и создания рабочих мест, а вскоре поедет в Индию для начала исследования неформальной экономики.

Несмотря на то, что она имела постоянную работу во время кризиса, Клэй очень хорошо осведомлена о том, что молодежи трудно найти работу. «Нам надо более творчески и

изобретательно создавать возможности и рабочие места для самих себя; их нам не преподнесут на блюдечке».

Она считает, что движение «Захвати Уолл-стрит» и его протесты во всем мире дали гражданам возможность выразить свое глубокое разочарование существующей экономической системой. Но она критикует движение за то, что его «теории перемен недостаточно, чтобы она могла с ней согласиться».

Клэй говорит, что экономическая наука оторвалась от реальных проблем, имеющих значение: как справедливо распределить ресурсы в обществе и каковы условия для процветания экономики?

«Экономическая теория часто бывает ориентированной на саму себя и закрытой для большинства людей», — говорит Клэй. Ей хочется, чтобы представители профессии сообщали свои мысли более демократичным языком, поскольку «наша экономическая система стала намного более сложной, и большинству людей действительно трудно участвовать в экономической дискуссии».

Клэй считает, что доктрины саморегулируемых рынков и индивидуумов, действующих в своих собственных интересах, не оправдались во время кризиса, и экономисты сейчас начинают переосмысливать свою профессию и роль в обществе.

Хотя протесты «Захвати Уолл-стрит» создали направление для выражения глубокого разочарования существующей практикой, Клэй хочет расширения диалога, в том числе с теми, кто стоит у власти, о том, как найти другой подход.

«Наибольшая трудность для движения «Захвати Уолл-стрит» заключается в том, как сделать граждан участниками реальных изменений, формирующими нашу будущую экономику, а не просто противниками экономического кризиса». ■

Репортаж: Жаклин Делорье; фото: Стивен Яффе

Потерянный и одинокий в Токио

ТАКУМИ Сато съедает в день лишь миску лапши быстрого приготовления и утверждает, что если бы не пособие по инвалидности от государства, то он был бы бездомным.

«Я изучал дизайн и производство компьютерных игр в техническом колледже и получил работу в качестве заместителя директора компании по производству мультимедийных теле- и видеопрограмм», — рассказал 23-летний Сато, который живет один в однокомнатной квартире в Кавагоэ, городе, расположенном недалеко на севере от Токио.

«Но в действительности это не была полноценная работа, и хотя я работал восемь часов в день, у меня не было контракта», — отметил он.

В таком положении находится все больше японских работников, поскольку компании, испытывающие бремя экономического спада последних нескольких лет, отказываются от хвальной системы пожизненной занятости и тщательно культивируемого чувства, что компания является семьей. Вместо этого работники берут на работу по краткосрочным, возобновляемым контрактам, что позволяет работодателям бросать их на произвол судьбы практически без предупреждения и поддержки.

В условиях ослабевающей экономики Японии система социальной защиты тоже ухудшается, при этом лишь 23 процента безработных имеют право на пособие. Нестабильность на рынке труда, в сочетании с отсутствием системы услуг по поддержке населения, негативно сказывается на здоровье людей. Некоторые даже накладывают на себя руки.

На своей следующей работе Сато продержался два месяца, он готовил порционные обеды бенто для супермаркетов и магазинов-кулинарий, зарабатывая 130 000 иен (1671 долл.) в месяц. Он работал пять дней в неделю по восемь часов в день.

Он уволился, после того как его врач сказал ему, что ему надо прекратить работу, чтобы не допустить ухудшения его психического состояния.

Это было три года назад; с тех пор он жил на 110 000 иен (1413 долл.) от государства ежемесячно, из них 35 000 иен (450 долл.) уходит на аренду жилья.

Сато возмущен тем, что в то время как правительство делает все возможное, чтобы помочь компаниям выдержать глобальный экономический шторм, люди, подобные ему, фактически игнорируются.

«Правительство недостаточно делает для нас, и его не волнует, что компании плохо обращаются со своими сотрудниками», — отмечает Сато. — Оно не обращает на это внимания».

Оно также признает, что иностранных работников можно нанять дешевле — компания по упаковке обедов бенто, на которую работал Такуми, приняла на работу больше работников из Бразилии и Индии, которые работают за меньшую плату и не жалуются на условия, «поскольку они знают, что они могут очень легко нарушить иммиграционные правила», — говорит Сато.

По оценкам, в Японии 11 млн человек зарабатывают меньше 2 млн иен (25 706 долл.) в год, большинство из них не может себе позволить арендовать жилье, согласно японской некоммерческой

Такуми Сато в Токио, Япония.

организации Мойай, которая работает с бездомными. Исследования демонстрируют, что большинство этих бездомных являются молодыми людьми от 20 до 29 лет.

В самых экстремальных случаях положение с работой заставляет подростков и молодежь уходить из общества, зачастую искать убежища в крайней изоляции и затворничестве. Многие отказываются покидать свое жилье месяцами, иногда годами. Для этой болезни есть свое название: «хиккомори», что буквально означает «уход в себя» или «затворничество».

«Государство уверяет подобных мне людей в том, что я могу добиться чего угодно, если буду стараться немного больше, если буду продолжать работу, но это неправда,— говорит Сато. — Я чувствую, как я ухожу из общества, не думаю, что когда-либо смогу туда вернуться». ■

Репортаж: Джулиан Райол; фото: Алфи Гудрич

Несоответствие квалификации в Нигерии

ПОДОБНО десяткам тысяч выпускников вузов ее возраста, Чиома Нвасонье не могла найти работу по окончании университета. Она завершила один год обязательной национальной службы после окончания вуза два года назад и с тех пор ищет работу.

Одна из пяти детей в семье, 23-летняя Нвасонье закончила вуз в 2010 году с дипломом по географии и региональному планированию от Государственного университета Дельты. Этот курс «не был моим первоначальным выбором, — говорит она. — Я бы хотела изучать бухгалтерское дело или бизнес».

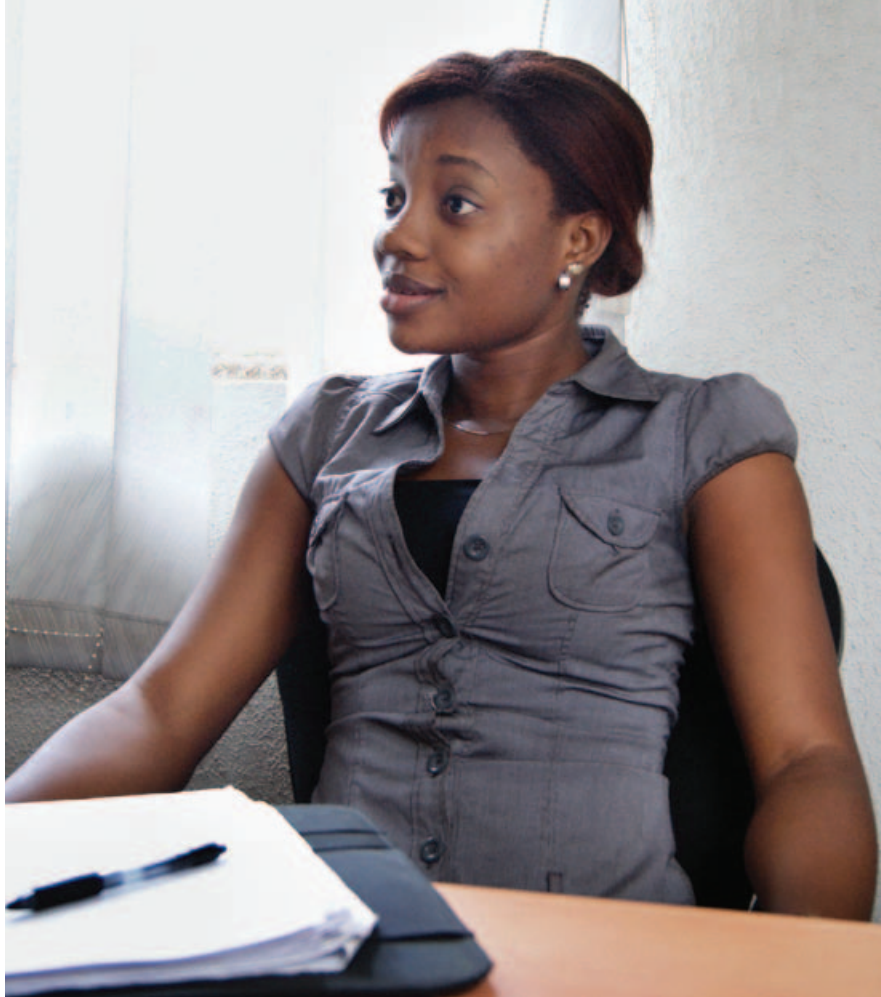
Из-за того что ее отметки не были достаточно высокими, чтобы попасть в программу университета по бухгалтерскому делу, она записалась на годичную подготовительную программу, гарантировавшую ей место в университете по ее завершении. Но «в тот год программа не предусматривала бухгалтерское дело, поэтому я выбрала географию», — говорит она. Ей до сих пор обидно, что бухгалтерское дело было предложено в следующем году.

Почти один миллион кандидатов сдают в Нигерии централизованный экзамен на поступление в университет, и соревнуются за чуть больше 100 000 мест, открывающихся ежегодно в 95 государственных и частных университетах. Поэтому большинство молодых людей с радостью бы ухватились за возможность пойти на любой курс, как это сделала Нвасонье, лишь бы получить доступ к высшему образованию.

Нигерия выпускает ежегодно тысячи студентов, но многие не могут найти работу из-за несоответствия между квалификацией, которой обладают молодые люди, и тем, что необходимо рынку, снижения стандартов из-за недостаточного финансирования и нехватки квалифицированных лекторов. Некоторые работодатели жалуются, что многие выпускники не обладают важнейшими техническими знаниями в своей области.

Уровень безработицы в Нигерии повышается, и в настоящее время в этой самой населенной стране Африки он близок к 24 процентам. Наличие высокого уровня образования не повышает шансов устроиться на работу. Трое из десяти выпускников вузов не могут ее найти.

Нвасонье начала поиски, имея преимущество. Ее мать — учительница начальной школы, что имеет большое значение с учетом того, что она выросла в Сапеле, северном регионе Нигерии,

Чиома Нвасонье в Бадагри, штат Лагос, Нигерия.

где 43 процента девочек школьного возраста все еще не имеют доступа к базовому образованию, согласно Инициативе «Образование на севере», проекту, который финансировался Агентством США по международному развитию.

На юге Нигерии, где выросла Нвасонье, ситуация лучше, но даже там, согласно статистике ЮНИСЕФ, уровень грамотности среди девушек 15–24 лет составляет лишь 65 процентов по сравнению с 78 процентами для юношей той же возрастной группы.

Хотя она любит работать с цифрами, «мои родители, особенно мать, на самом деле хотели, чтобы я изучала медицину. «Некоторые курсы в Нигерии пользуются большим уважением, — поясняет Нвасонье. — Каждый хочет стать врачом или бухгалтером». Чем это объясняется? «Я думаю, что это связано с экономикой; многие считают, что если ты изучаешь эти курсы, то у тебя больше будет предложений по трудоустройству по окончании вуза».

На данный момент она решила пойти навстречу пожеланиям отца, который работает на государственной электроэнергетической компании, и получить степень магистра.

«Мой отец всегда подчеркивал, что мы все должны пойти в университеты, а не в политехнические институты или педагогические колледжи, — говорит она. — Более того, он велел нам получить степень магистра, для того чтобы он мог признать нас выпускниками».

В стране, где безработными являются 40 млн молодых людей, многие из которых не могут быть приняты на работу из-за пробелов в образовании, берущих начало на базовом школьном уровне, большинство из них не имеет возможности продолжить свое образование, чтобы избежать безработицы. ■

Репортаж: Вале Фатаде и Толу Огунлеси; фото: Инка Олугбаде